

Вечная Джульетта не отпускает своих зрителей

В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ ПРОШЕЛ ВЕЧЕР «ГАЛИНЕ УЛАНОВОЙ ПОСВЯЩАЕТСЯ»

■ Наталья ЗИМЯНИНА

В огромном пурпурно-золотом зале, всегда торжественном, привыкшем к великодержавной славе, вечер памяти Улановой прошел сдержанно и достойно, без лишних официальных лиц. Под стать запомнившимся манерам великой балерины, которой так не подходила помпезность.

Владимир Васильев, президент Фонда Улановой и режиссер вечера, впервые за четыре года переступил порог Большого театра с тех пор, как началась чехарда в его руководстве. Оставаясь всеобщим любимцем (иначе как «Володя» и «Катя» их с Максимовой никто меж-

ду собой в приличном артистическом мире не называет), он хорошо, с верной интонацией повел торжество.

Назвал шестерых юных стипендиатов фонда. И лауреатов награды «За беззаветное служение искусству танца»: Марию Семенову, Игоря Моисеева, Раису Стручкову, Ольгу Лепешинскую, Николая Фадеечева. Начиная с этого года она вручается в виде знаменитой статуэтки Ломоносовского завода, созданной 40 лет назад и отлитой ныне по модели, хранящейся в Эрмитаже.

Хореографические номера в основном в исполнении артистов Большого и Мариинки чередовались с нерасхожей, часто

неизвестной хроникой, уникальными фотографиями Улановой — в ролях, в меховом капюшоне, в широкополой шляпе, за книгой, на дачной скамейке... Портрет удался!

Никому даже не хотелось обсуждать, что в Мариинке все-таки лучше кордебалет, зато у нас сильнее танцовщики. Каре из 36 балерин в «Симфонии до мажор» Баланчина лишало споры очевидной основы, а 24 московских лебеда были неотличимы друг от друга, и Принц почти напрасно метался по сцене...

Самым же сильным визуальным впечатлением вечера остается сохраненный старой пленкой момент из «Ромео и Джульетты», когда Уланова бежит (не

танцует даже!) по сцене — до сих пор перехватывает горло.

Мелодии из «Нормы» («Каста дива» — Татьяна Печникова) и «Сельской чести» («Молитва» — Татьяна Смирнова; обе певички из «Новой оперы») возвышали слова из писем, написанных когда-то Андрониковым и Образцовой, Завадским и Раневской: «Дорогая Галина Сергеевна!..», «Дорогая Галя!..» Письма читались под звуки Шопена, и эпистолярная шопениана не раздражала, как это бывает, пустой литературщиной.

Ждали, конечно, заключительного номера — Адажио из «Бриллиантов» Баланчина с Ульяной Лопаткиной. Столь не похожая на Галину Сергеевну внешне, эта

балерина так и притягивает самоотреченностью, какой-то будто даже жертвенностью. Пусть — да, только на сцене, а дальше зрителям, даже поклонникам доступ, слава богу, закрыт. Редко, но бывают такие артисты.

Мелькнула в танце Лопаткиной и та же неразгаданная тайна, где искусство легко обгоняет ремесло, вдруг заставляет забыть о нем, остаться один на один с совершенством. В этот негромкий вечер хотелось хоть раз бурных оваций — их по праву снискала мариинская прима.

16 мая, день, который чтит сама Галина Сергеевна как дату своего выпускного спектакля, теперь будет отмечаться в Москве ежегодно.

Уланова Галина

17.05.04